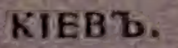
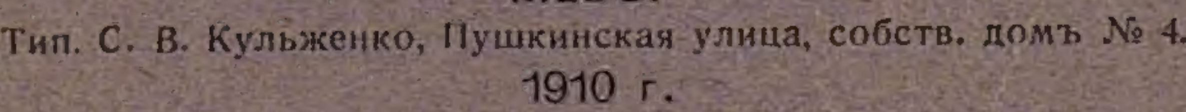
СЛОВО ЦАРЪ, ЕГО ГЛУБОКАЯ ДРЕВНОСТЬ.

Посвящается всѣмъ любознательнымъ людямъ, а въ особенности любителямъ исторіи и филологіи.

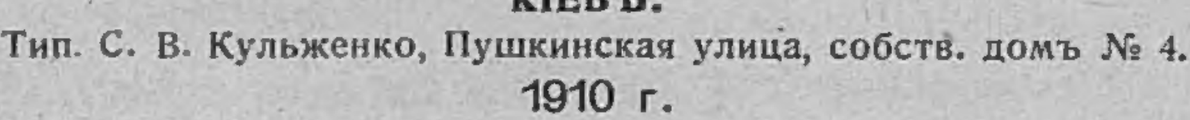

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кульженко, Пушкинская улица, собств. домъ № 4.
1910 г.

СЛОВО ЦАРЬ, ЕГО ГЛУБОКАЯ ДРЕВНОСТЬ.

Посвящается всѣмъ любознательнымъ людямъ, а въ особенности любителямъ исторіи и филологіи.

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кульженко, Пушкинская улица, собств. домъ № 4.

1910 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлежащее сочиненіе предполагалось издать гораздо раньше, но почти совершенная потеря зрѣнія помѣшала этому. Въ надеждѣ на улучшеніе зрѣнія прошло нѣсколько лѣтъ, но улучшенія не послѣдовало. Достигши 77-го года *) своей жизни, я счелъ неблагоразумнымъ оставлять долѣе это сочиненіе не оконченнымъ и не изданнымъ. Третье подраздѣленіе этого сочиненія, историко-географическая часть писана мною была уже тогда, когда я почти не видѣлъ, что пишу. Часть повѣрочная, за исключеніемъ начала ея, и вся заключительная часть, равно какъ и предисловіе писаны подъ мою диктовку. Я вижу, что матеріалъ этого сочиненія могъ бы быть распредѣленъ нѣсколько иначе: факты части повѣрочной могли бы быть отнесены ко второму подраздѣленію, къ части исторической; но при настоящемъ состояніи моего зрѣнія я не рѣшился коснуться того, что было написано прежде, и предпочелъ оставить сочиненіе въ томъ видѣ, какъ оно первоначально было задумано. Я прошу читателей отнестись

---

*) Авторъ родился 1834 года 4-го февраля.

снисходительно къ могущимъ встрѣчаться орфографическимъ ошибкамъ, такъ какъ исправить ихъ я не могъ и не могу; что же касается до пріемовъ и способа изслѣдованія, то я относился къ этому съ тщательной обдуманностью, приличествующей всякому серьезному научному труду; прошу покорно и читателей отнестись къ этому со всей подобающей строгостью. Въ заключеніе я желаю, чтобы читатель испыталъ хоть малую долю того большого удовольствія, которое мнѣ доставляло постепенное уясненіе вопроса, откуда пришло къ намъ слово царь и что оно означало при самомъ появленіи своемъ у себя на родинѣ.

Это слово всѣмъ намъ хорошо извѣстно, а возникновеніе его терялось во મракѣ тысячелѣтій. Только труды ученыхъ, посвящающихъ свои превосходныя дарованія изученію древностей Востока и разбору и чтенію клинообразныхъ или куническихъ (гвоздеобразныхъ) письменъ, даютъ возможность не предубѣжденному уму найти ключъ къ разрѣшенію этого любопытнаго вопроса. Въ своемъ краткомъ, но, какъ мнѣ кажется, обстоятельномъ изслѣдованіи я хотѣлъ, во-первыхъ, доказать ошибочность производства слова царь отъ цесарь съ историко-филологической точки зрѣнія: его несогласіе съ законами филологіи и фактами исторіи; во-вторыхъ, пользуясь трудами компетентныхъ ученыхъ, показать, что первообразъ слова царь находится въ клинообразныхъ надписяхъ древняго Востока; обозначить путь, которымъ онъ перешелъ въ Европу, и то звуковое видоизмѣненіе, которое онъ получилъ въ устахъ славянъ

и русскихъ. Насколько я успѣлъ въ этомъ, судить не мнѣ.

Нѣкоторые, извѣстные своими трудами, почтенные слависты, въ томъ числѣ и профессоръ А. Н. Соболевскій, выводятъ слово царь отъ цесарь. Поэтому я счелъ необходимымъ изслѣдовать вопросъ, откуда могло прійти къ намъ слово царь. Тщательное и нѣсколько подробное изслѣдованіе этого вопроса шагъ за шагомъ, постепенно, но неудержимо привело насъ на Востокъ. Этого и слѣдовало ожидать. Ни Карла Великаго, при всемъ его могуществѣ, ни Людовика XIV, несмотря на все его самовластіе, мы, русскіе, никогда не называли царями, а напротивъ, это слово постоянно прилагается нами къ властелинамъ большихъ и малыхъ государствъ передней Азіи: царь армянскій, царь персидскій, царь понтійскій, царь пергамскій; король сербскій, Душанъ VI Сильный, въ принятомъ имъ пышномъ титулѣ къ слову царь македонскій прибавилъ еще христолюбивый, очевидно, въ отличіе отъ тѣхъ царей, которые были въ Македоніи еще въ до-христіанскія времена: Филиппъ, Персей и др. Это обстоятельство показываетъ, что не Италія и классическій міръ, а передняя Азія, съ ея болѣе древней цивилизаціей, была колыбелью слова царь. Возможно ли согласиться съ производствомъ слова царь отъ цесарь, когда за много вѣковъ до рожденія знаменитаго римскаго диктатора первообразъ слова царь раздавался на берегахъ Тигра и Евфрата съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, что и нынѣ имѣетъ слово царь, и въ той звуковой формѣ, которая въ устахъ

славянъ и русскихъ естественно легко и свободно переходитъ въ слово царь. Это слово хорошо было извѣстно славянамъ Балканскаго полуострова съ давнихъ поръ, раньше знакомства ихъ съ Византіей и принятія христіанства. Много государствъ возникло изъ развалинъ обширной монархіи Александра Великаго. Всѣ эти государства у славянъ носили названія царствъ, а властелины ихъ царей. Сравнительно съ эпохой цезаря это старина болѣе древняя, а древность лучше всего объяснять на основаніи самой же древности. Голосъ ея рѣшаетъ дѣло—это свидѣтель доскональный и неподкупный. Доселѣ нѣмая древность заговорила наконецъ. Настойчивые труды и солидныя блестящія дарованія ученыхъ оріенталистовъ заставили её вскрыть свои тайны, заговорить языкомъ вразумительнымъ и понятнымъ для всѣхъ. Пожелаемъ же имъ новыхъ успѣховъ на трудномъ, но благородномъ поприщѣ, ими избранномъ, успѣховъ столь полезныхъ и драгоцѣнныхъ для исторической науки: вмѣсто невѣроятныхъ фабулъ сѣдая древность возстаетъ передъ нами во всей своей грубой, но величавой простотѣ и правдивости. Древнѣйшая исторія Востока перестала быть сказкой она стала былью, проливающей свѣтъ на исторію другихъ народовъ.

Бывшій учитель исторіи и географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (нынѣ въ отставкѣ съ пенсіей)

Г. В. Васильевъ.

Въ 25-мъ №-рѣ „Кіевлянина“ за 1891-ый годъ [1]) было напечатано извѣстіе, что въ засѣданіи Историческаго Общества Нестора лѣтописца, состоявшемся 27-го января, секретаремъ Общества Т. Д. Флоринскимъ былъ прочитанъ докладъ профессора С.-Петербургскаго университета, дѣйствительнаго члена Общества Нестора лѣтописца А. Н. Соболевскаго, посвященный изученію нѣкоторыхъ собственныхъ именъ („Русь, Хорваты, Обезы, Олегъ, жидята“) и слова „царь“. Соображенія почтеннаго профессора о происхожденіи этого, всѣмъ намъ хорошо извѣстнаго, слова навели и мой умъ на цѣлый рядъ другихъ соображеній, которыя я считаю себя обязаннымъ высказать для лучшаго уясненія предмета, памятуя, что всякій предметъ тѣмъ совершеннѣе познается, чѣмъ съ большихъ точекъ зрѣнія онъ разсматривается. Познакомимся прежде съ мнѣніемъ г. Соболевскаго, какъ оно изложено въ „Кіевлянинѣ“.

„Разсматривая исторію слова царь“, говоритъ г. Соболевскій, „видимъ, что слово цѣсарь, цьсарь, откуда у южныхъ славянъ и у насъ царь, уже въ IX вѣкѣ было народнымъ болгарскимъ и означало вообще государя“ [2]). Что слово царь въ очень давнія времена

---

[1]) Стр. 3, столбецъ 5-ый внизу, подъ заглавіемъ: Засѣданіе Историческаго Общества.

[2]) Стр. 4, столб. 1-ый. Мнѣніе, высказанное профессоромъ Соболевскимъ, не принадлежитъ исключительно ему одному,

было извѣстно болгарамъ и означало государя,—это, по моему мнѣнію, неоспоримая истина, но согласиться съ производствомъ этого слова отъ римскаго caesar, при посредствѣ болгарскихъ версій этого слова, весьма трудно и при ближайшемъ разсмотрѣніи предмета, какъ мы сейчасъ увидимъ, даже невозможно. Я думаю, что слово царь имѣетъ несравненно болѣе древнее происхожденіе, нежели полагаетъ г. Соболевскій и другіе ученые слависты, производящіе его отъ caesar. Мнѣніе почтенныхъ славистовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только допускаетъ, но даже вызываетъ сомнѣніе. Считаю необходимымъ обозначить это обстоятельство по пунктамъ кратко, но съ достаточной ясностью.

I. Часть филологическая.

1. На основаніи какихъ филологическихъ данныхъ мы должны думать, что слово caesar, по русски кесарь или цесарь, а по болгарскому начертанію цѣсарь превратилось въ царь? Профессоръ Соболевскій, какъ видно изъ вышеприведенной цитаты, свое предположеніе о переходѣ у болгаръ слова цѣсарь въ царь старается подкрѣпить наглядно при помощи посредствующаго звена „цьсарь"; но существованіе въ болгарской письменности этой формы едва-ли въ состояніи объяс-

оно было высказываемо и другими учеными. Въ своемъ докладѣ Историческому Обществу Нестора лѣтописца г. Соболевскій высказалъ то же мнѣніе, что и другіе слависты, но не голословно, мимоходомъ, а стараясь обосновать его на фактахъ и представить съ нѣкоторой доказательностью; этимъ самымъ онъ сдѣлалъ слабыя стороны этого мнѣнія очевиднѣе и возраженіе противъ него необходимѣе. Въ этомъ отношеніи докладъ профессора Соболевскаго заслуживаетъ большой благодарности со стороны людей, интересующихся предметомъ.

нить предполагаемый фактъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ понимать въ звуковомъ отношеніи начертаніе ць? Какъ произносили его въ тѣ отдаленныя времена, когда оно впервые появилось въ болгарской письменности, мы съ точностью не знаемъ: никто изъ нынѣ живущихъ людей этого не слыхалъ и никогда не услышитъ; но, судя по аналогіи съ тѣмъ, что мы находимъ впослѣдствіи, и сравнивая съ другими словами, гдѣ встрѣчается начертаніе *ь* послѣ согласной, мы, начиная изслѣдованіе и идя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, были бы въ правѣ предположить, что начертаніе *ць* могло означать смягченіе въ произношеніи предшествующаго ь (ерю) согласнаго звука (у насъ ерь такъ и называется мягкимъ знакомъ); но *ц* смягченное т. е. въ начертаніи *ць* соотвѣтствуетъ начертанію *цѣ* въ словѣ цѣсарь: ц=цы или це, ць (т. е. тоже ц, только смягченное)=ци или цѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ *ь* показываетъ, что предшествующая ему буква ц (или звукъ ею выражаемый) не принадлежитъ слѣдующему слогу, а составляетъ нѣчто отдѣльное и не должна быть сливаема въ одинъ слогъ со звуками, выраженными послѣдующими буквами. Съ точки зрѣнія этого предположенія болгарскія цѣсарь и цьсарь могли быть двумя различными начертаніями одного и того же слова, въ произношеніи ничѣмъ не отличавшимися. Предположимъ, однако жъ, что разница въ произношеніи ихъ была и что звукъ, первоначально имѣвшій (въ начертаніи ць) самостоятельное, отдѣльное значеніе, сталъ впослѣдствіи сливаться съ начальнымъ согласнымъ звукомъ послѣдующаго слога въ одинъ звукъ, но въ такомъ случаѣ вставка между ними ь дѣлается совершенно лишней, и въ болгарской письменности рядомъ съ начертаніями цѣсарь и цьсарь должна была бы встрѣчаться, хотя изрѣдка, третья версія этого слова—царь. Эта послѣдняя версія, а

тѣмъ болѣе двѣ предыдущія, должны были бы встрѣчаться въ болгарской письменности несравненно раньше, нежели слово царь, если оно возникло изъ нихъ; но это слово встрѣчается у болгаръ такъ-же рано, какъ и слова цѣсарь и цьсарь; а, слѣдовательно, нѣтъ и основанія производить его отъ нихъ.

2. Еще необъяснимѣе было-бы сліяніе звуковъ, изображаемыхъ буквами *ц* и *с*, въ одинъ звукъ, выражаемый однимъ *ц*, при переходѣ слова царь отъ болгаръ къ намъ; трудность произношенія въ русскомъ языкѣ избѣгается не сліяніемъ двухъ непосредственно слѣдующихъ другъ за другомъ согласныхъ звуковъ въ одинъ, а наоборотъ, распространеніемъ или расчлененіемъ ихъ въ два отдѣльные слога, что даетъ начало столь характерному въ русскомъ языкѣ, полногласію: древле-славянскому *ссущій* соотвѣтствуетъ въ современномъ русскомъ языкѣ *сосущій*, отъ старо-славянскаго *ссати* образовалось *сосать* [3]). Судя по этому, скорѣе можно думать, что болгарское цьсарь, въ томъ случаѣ, если оно читалось отлично отъ цѣсарь, при переходѣ въ русскій языкъ должно было бы пріобрѣсти болѣе совершенную звуковую полноту или, выражаясь какъ принято въ наукѣ, пріобрѣсти „полногласіе" и распространиться, расчлениться въ цѣсарь или — по русскому выговору—цесарь, а отнюдь не сократиться въ царь.

3. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе важный въ настоящемъ случаѣ вопросъ: на какомъ основаніи вер-

[3]) Кому не извѣстна церковная пѣснь „изъ устъ младенецъ и ссущихъ" и пр. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести очень много, но я считаю это лишнимъ; рѣчь идетъ о фактѣ всѣмъ хорошо извѣстномъ, не требующемъ доказательствъ, а только краткаго упоминанія.

сію цѣсарь мы должны считать болѣе древней, чѣмъ цьсарь? Господинъ Соболевскій, несмотря на свою замѣчательную по этой части эрудицію, не приводитъ ни одного основанія, ни даже простого указанія, заставляющаго думать, что начертаніе цьсарь болѣе ново, нежели цѣсарь; а между тѣмъ, выяснить это обстоятельство при рѣшеніи предстоящаго вопроса было-бы чрезвычайно важно и желательно: если въ болгарской письменности начертаніе цьсарь встрѣчается такъ же рано, какъ и цѣсарь, то на какомъ фактическомъ основаніи мы будемъ считать его болѣе новымъ? Фактовъ, безспорно рѣшающихъ дѣло въ пользу большей древности версіи цѣсарь, сравнительно съ цьсарь, мы, сколько намъ извѣстно, не имѣемъ, и господа слависты, раздѣляющіе мнѣніе господина Соболевскаго, подкрѣпить свое положеніе съ подобающей ясностью, документально, до сей поры не могли и нынѣ, безъ сомнѣнія, не могутъ. Я думаю, что въ производствѣ слова царь отъ caesar черезъ цѣсарь и цьсарь мы имѣемъ передъ собой circus viciosus (или такъ называемый въ русскихъ логикахъ „рогатый силлогизмъ“), въ которомъ главную роль играетъ предположеніе, основанное на предположеніи: вообразивши за незнаніемъ истиннаго корня, что слово царь возникло (за неимѣніемъ лучшаго, истиннаго) изъ римскаго caesar, при посредствѣ болгарскихъ версій этого слова, ученые слависты стали смотрѣть на цьсарь, какъ на переходное къ нему caesar, цѣсарь, цьсарь, царь—и, стало быть, болѣе новое, нежели цѣсарь. Такое заключеніе, очевидно, основано на созвучіи словъ царь и цьсарь въ чтеніи послѣдняго, руководствуясь однимъ начертаніемъ сообразно съ усвоеннымъ теперь чтеніемъ еря, но такое чтеніе въ приложеніи къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда возникло самое начертаніе, не имѣетъ достаточ-

ныхъ основаній и въ приложеніи ко всѣмъ случаямъ, гдѣ въ старину употреблялся ь, должно быть признано анахронизмомъ. Дѣло, по моему разумѣнію, могло быть совершенно наоборотъ и даже съ несравненно большей вѣроятностью: начертаніе цѣсарь есть полнѣйшая и, судя по аналогіи (за неимѣніемъ другихъ рѣшительныхъ данныхъ), вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшая форма болѣе древняго начертанія цьсарь, соотвѣтствовавшаго тогдашнему (намъ съ точностью неизвѣстному) выговору. Для рѣшенія этого вопроса, хотя приблизительно, насколько это возможно въ настоящее время, обратимся къ фактамъ древнѣйшей церковно-славянской письменности (заимствованной нами, какъ извѣстно, у болгаръ) и сравнимъ ихъ съ фактами несомнѣнно позднѣйшими. Въ Евангеліи отъ Іоанна глава I-ая по списку Остромирову (1056—1057) мы читаемъ: „и свѣтъ во тьмѣ свьтится“, а въ Библіи XIX столѣтія: „и свѣтъ во тьмѣ свѣтится“. Въ Остромировомъ спискѣ: „мужьски“, а въ Библіи XIX столѣтія: „мужескія“. Въ Евангеліи по Остромирову списку: „сь бѣ его же рѣхъ“... и далѣе: „яко пьрвѣе менѐ бѣ“, а въ Библіи XIX столѣтія: „*сей* бѣ, его же рѣхъ... яко *пер*вѣе менѐ бѣ“. Въ Евангеліи отъ Матѳея по Остромирову списку глава V-ая мы читаемъ: „и отвьрзъ оуста своя“, а по Библіи XIX столѣтія: „и отверзъ уста своя“. Въ той же V-ой главѣ Евангелія отъ Матѳея по Остромирову списку мы находимъ: „Блажени чистии сьрдьцьмъ“, а въ Библіи XIX столѣтія: „Блажéни чи́стіи сéрдцемъ“. Въ Библіи Острожскаго изданія книга Іова, глава 10-ая, напечатано: „или житіе твое человѣчьско есть“, а въ Библіи XIX столѣтія: „или́ житіé твое человѣческо есть“ [1]).

[1]) Вышеприведенныя цитаты заимствованы мною, за неимѣніемъ подъ рукою другихъ источниковъ, изъ Исторической

Изъ этихъ примѣровъ ясно видно, что тамъ, гдѣ въ стародавнія времена употреблялся ь, въ позднѣйшія времена онъ замѣнялся черезъ ѣ и е (черезъ ѣ преимущественно у болгаръ, черезъ е по большей части у насъ — русскихъ): и у насъ, слѣдовательно, нѣтъ никакого, оправдываемаго исторіей языка, фонетическаго основанія считать форму цьсарь болѣе новой, нежели цѣсарь. Одновременное употребленіе въ болгарской письменности обѣихъ формъ цѣсарь и цьсарь, по моему мнѣнію, ровно ничего не доказываетъ: замѣна въ народномъ языкѣ одной формы слова другою не можетъ совершаться скоро, она требуетъ времени, и форма вытѣсняемая и вытѣсняющая еще долгое время могутъ встрѣчаться вмѣстѣ, одновременно, прежде чѣмъ одна вытѣснитъ окончательно другую. Даже исключительное употребленіе слова цѣсарь въ древнѣйшихъ изъ нынѣ намъ извѣстныхъ памятниковъ болгарской письменности, по моему мнѣнію, не могло бы служить рѣшительнымъ доказательствомъ его большей древности передъ формой цьсарь: кто можетъ ручаться, что кромѣ древнихъ намъ извѣстныхъ письменныхъ памятниковъ не существовали другіе (быть можетъ, еще болѣе древніе), нынѣ утраченные и намъ неизвѣстные, въ которыхъ форма цьсарь преобладала? Я думаю, что въ рѣшеніи этого вопроса очень важное, существенное значеніе должны имѣть общіе законы, которымъ слѣдуетъ съ теченіемъ времени въ своихъ фонетическихъ измѣненіяхъ языкъ или группа родственныхъ языковъ, а съ этой точки зрѣнія у насъ нѣтъ истинно-филологическихъ данныхъ для того, чтобы признать безспорно

Хрестоматіи, составленной А. Галаховымъ, Москва, 1848 г. См. стр. I—V. Трудъ почтенный, по которому многіе изъ насъ учились.

форму цѣсарь болѣе древней, нежели цьсарь. Мнѣніе, что эта форма есть позднѣйшая, возникло несомнѣнно подъ вліяніемъ производства слова царь отъ caesar черезъ цѣсарь: на нее стали смотрѣть, какъ на переходную къ слову царь и, слѣдовательно, возникшую позже; но законы фонетическаго измѣненія, которымъ слѣдуетъ группа языковъ славянскихъ (а въ особенности нашъ русскій) этого вовсе не подтверждаютъ.

II. Часть историческая.

Оставимъ на время фонетику и перейдемъ къ исторіи собственно; она тоже многое можетъ сказать. Есть ли реальная почва или историческія данныя для того, чтобы слово царь могло возникнуть у южныхъ славянъ изъ caesar? Такихъ данныхъ нѣтъ, а факты, не согласные съ этимъ предположеніемъ,—есть. 1. Слово caesar у римлянъ никогда не означало государя вообще: оно употреблялось иногда для обозначенія императора римскаго, но никогда для обозначенія какого-либо другого государя. Это не одно и то же. Нельзя сказать о Пріамѣ Trojanorum caesar не потому, что Троя была разрушена прежде чѣмъ родился caesar, но потому, что слово caesar не выражало понятія о государѣ вообще; въ предположеніи, что слово царь произошло отъ caesar, оно еще болѣе ново, нежели цезарь, однако жъ, несмотря на это обстоятельство, мы говоримъ: Пріамъ, царь Троянскій; Trojanorum rex, потому что слова rex и царь (какъ они утвердились въ употребленіи у римлянъ и у насъ) выражаютъ понятіе о лицѣ, облеченномъ монархической властью, у какого бы то ни было народа, о государѣ вообще, и въ этомъ смыслѣ могли и могутъ прилагаться не только къ современ-

нымъ, но и къ прежде бывшимъ государямъ. По этой же причинѣ нельзя сказать о Тигранѣ caesar Armenial или Armeniorum, а отнюдь не потому что римляне, преслѣдуя разбитаго Лукулломъ знаменитаго Митридата Понтійскаго, безъ особеннаго труда побѣдили (въ 69 г. до Р. Хр.) роскошнаго, но не отличавшагося воинской доблестью царя армянскаго, зятя Митридатова. Простые и суровые по своему образу жизни Парояне во время 1-го тріумвирата (еще при жизни цезаря) побѣдили и умертвили Красса и послѣ смерти цезаря долгое время успѣшно боролись съ римлянами, а развѣ можно сказать, вмѣсто reges, caesares Parthorum? У писателей позднѣйшихъ цезаря (напр. у Тацита или хотя у одного изъ Плиніевъ) слово caesar могло бы быть употреблено въ томъ же смыслѣ, что и rex, если бы оно выражало понятіе о государѣ вообще; но мы этого нигдѣ и ни у кого изъ римскихъ писателей не встрѣчаемъ: такого понятія оно, очевидно, у римлянъ не выражало, прилагаясь въ смыслѣ властелина только къ однимъ императорамъ. Вмѣсто употребленнаго Тацитомъ выраженія „reges suevorum" [5]) почему нельзя было бы сказать caesares suevorum, если бы слово caesar выражало понятіе о монархѣ, о государѣ вообще, подобно слову rex? Нельзя сказать caesares suevorum потому, что у римлянъ слово caesar, въ смыслѣ государя, означало императора, повелѣвавшаго въ Римѣ, и къ другимъ государямъ отнюдь не прилагалось. Для обозначенія государя вообще у римлянъ было слово rex, соотвѣтствующее нашему слову царь: обозначая понятіе о государѣ вообще, слово rex прилагалось какъ къ властителямъ большихъ и могущественныхъ госу-

[5]) Sidon et Italiens. Tac. Hist. lib. III c. V.

дарствъ—„Persarum rex Darius“ [6]), такъ самыхъ малыхъ и ничтожныхъ—„Pergamenus rex Eumenes“ [7]). Подобно этому и мы можемъ сказать: Дарій царь Персидскій, Эвменъ царь Пергамскій. Ничего подобнаго не замѣчается въ употребленіи у римлянъ слова caesar: въ смыслѣ государя оно обозначало только императора римскаго и никого болѣе; оно было титуломъ или, вѣрнѣе, названіемъ „vocabulum“, какъ выразился Тацитъ [8]), чѣмъ-то въ родѣ почетнаго наименованія, указывавшаго, что лицо, носящее его, по своему сану и предполагаемымъ или подразумѣваемымъ достоинствамъ заслуживаетъ столь славнаго имени. При томъ названіе caesar, будучи почетнымъ и фамильнымъ, прилагалось не къ однимъ императорамъ, а къ лицамъ, которые по своему происхожденію или усыновленію имѣли право на него: при первомъ же императорѣ Октавіанѣ Августѣ его носили: внуки Августа (сыновья Агриппы и дочери Августа Юлія) Гай и Луцій цезари; пасынки Августа, имъ усыновленные, Тиверій и его братъ Друзъ; сынъ Друза Германикъ. Впослѣдствіи названіе цезаря стало прилагаться преимущественно къ предполагаемому наслѣднику престола. Неронъ, какъ извѣстно, былъ послѣднимъ императоромъ, имѣвшимъ право, по преемству усыновленія, на названіе цезаря; однако, и послѣ его смерти названіе caesar, какъ бы по установившемуся обычаю, продолжало прилагаться къ лицамъ, носившимъ санъ императора; но рядомъ съ нимъ возникло и другое слово для обозначенія лица, облеченнаго высшею властью и почетомъ,—это слово „Augustus“, кото-

[6]) Изъ Cornelii Nepotis de vita excellentium imperatorum: Miltiades, III.

[7]) Corn. Nep. Annibal, IX.

[8]) C. c. Tacit. Hist. l. II, c. LXII.

рымъ сенатъ и народъ привѣтствовали Октавіана, цезаря, при его возвращеніи въ Римъ послѣ побѣды надъ Антоніемъ и утвержденіи всеобщаго мира. Позднѣйшіе императоры названіе Augustus, вѣроятно, по его священному религіозному значенію, предпочитали даже названію „цезарь“. Хотя въ началѣ римской имперіи оба слова одинаково употреблялись для обозначенія императора [9]), но впослѣдствіи то слово, которое исключительно обозначало императора, было Augustus. Гиббонъ полагаетъ, что слово цезарь со времени Адріана стало прилагаться къ предполагаемому наслѣднику престола. Предпочтеніе названія Augustus въ приложеніи къ императору можно замѣтить даже раньше Адріана, почти вслѣдъ за прекращеніемъ династіи Октавіана-Августа (68 г. п. Р. Хр.): такъ, войско, по свидѣтельству Тацита, провозгласило Веспасіана Августомъ и Цезаремъ [10]), а сына его Домиціана только цезаремъ [11]). Старшій сынъ Веспасіана Титъ, по желанію отца пользовавшійся одинаковой властью съ нимъ, принялъ названіе Августа только послѣ смерти отца. Изъ вышеприведеннаго видно несомнѣнно, съ убѣдительной ясностью, что слово caesar, не всегда обозначавшее лицо, облеченное верховной властью, но прилагавшееся къ

[9]) „A distinction was, however, soon introducet“ говоритъ Гиббонъ въ своемъ сочиненіи „Упадокъ и паденіе Римской имперіи“. „The sacred title of Augustus was always reserwed for the monarch, whilst the name of Caesar was more freely communicated to his relations; and from the reign of Hadrian, at least, was appropriated to the second person in the state, who was considered as the presumptive heir of the empire. The decline and fall of the roman empire. Vol. I. Chap. III. Стр. 67 по изданію The „Chandos Classics“ Frederick Warne and C⁰.

[10]) C. c. Tacit Hist. lib. II. Chap. XXX.

[11]) См. Заключительныя слова III кн. Тацитъ Hist.

принцамъ императорской фамиліи, а впослѣдствіи и къ другимъ лицамъ, которыхъ императоры возводили въ этотъ санъ, само въ себѣ, въ своемъ внутреннемъ содержаніи, въ понятіи, имъ выражаемомъ, не носило достаточныхъ элементовъ или необходимыхъ, строго опредѣленныхъ данныхъ для того, чтобы превратиться въ слово царь, всегда обозначающее лицо, облеченное верховной властью, и никогда ни къ какимъ другимъ лицамъ отнюдь не прилагающееся (какъ было и есть у насъ, какъ, несомнѣнно, было и у болгаръ). Кромѣ того, такъ какъ императорамъ изъ династіи Октавіана-Августа названіе цезаря принадлежало какъ фамильное, по преемству усыновленія, то присвоеніе этого названія со стороны другихъ властителей было-бы, въ виду могущества римскаго императора, весьма опаснымъ самозванствомъ или посягательствомъ на чужое имя и чужое достоинство. Это обстоятельство мѣшало слову caesar и въ самомъ Римѣ прилагаться къ властелинамъ другихъ народовъ, а слѣдовательно, получить значеніе государя вообще, подобно слову rex (да въ этомъ и не было надобности, такъ какъ такое слово уже было); не имѣли въ этомъ надобности и греки въ Византіи, такъ какъ и у нихъ было слово Βασιλεὺς, которое, по понятію, имъ выражаемому (вождь или глава народа), вполнѣ можетъ означать государя вообще.

2. Думать, что слово царь перешло къ южнымъ славянамъ (а отъ нихъ и къ намъ) съ запада, изъ Рима (путемъ преобразованія изъ caesar) невозможно еще на основаніи данныхъ, представляемыхъ исторической жизнью самихъ же южныхъ славянъ. Въ предѣлахъ Балканскаго полуострова на западъ отъ Болгаріи, ближе къ Риму, слѣдовательно, доступнѣе его вліянію, лежитъ славянская страна Сербія, достигшая значительной степени благосостоянія и могущества во время

династіи Нѣманей. Одинъ изъ нихъ Стефанъ II-ой Первовѣнчанный (1195—1224) уже не довольствовался прежнимъ, вполнѣ народнымъ (славянскимъ) титуломъ „Великаго жупана“, а короновался „кралемъ“ т. е. королемъ (а не цѣсаремъ или цьсаремъ) сербскимъ. Краль— вотъ названіе, заимствованное южными славянами несомнѣнно съ запада: оно прилагалось сербами ко всѣмъ независимымъ государямъ западной Европы и въ этомъ именно смыслѣ оно принято и употребляется ими и въ наше время, какъ титулъ ихъ государя. Еще позже, въ XIV вѣкѣ Стефанъ VI Душанъ Сильный, при которомъ Сербія достигла наибольшей степени процвѣтанія и славы и который собирался завоевать Константинополь и выгнать изъ Балканскаго полуострова турокъ (уже однажды имъ побѣжденныхъ),—въ гордомъ сознаніи своего могущества сталъ носить императорскую корону и именоваться „Кесаремъ Ромейскимъ христолюбивымъ царемъ Македонскимъ, кралемъ сербскимъ“. Сравнивая эти титулы между собою, не трудно видѣть, что Стефанъ Душанъ понималъ слово кесарь съ смыслѣ императора римскаго (восточной, конечно, римской имперіи) и отличалъ его отъ словъ царь и краль. Стало быть, слово царь не есть преобразованное caesar, цѣсарь, цьсарь: если бы слово царь было фонетическимъ преобразованіемъ caesar, то какимъ образомъ оно могло бы употребляться рядомъ съ кесарь, которое есть тотъ же caesar по греческому произношенію καισαρ? Оба слова употребляются одновременно, рядомъ, каждому придано свое особенное, вполнѣ понятное значеніе,—на какомъ же основаніи одно изъ нихъ считать видоизмѣненіемъ другого? Слово произведенное можетъ имѣть свой отличный отъ слова коренного смыслъ, ибо оно есть другое, новое слово; но слово видоизмѣненное не есть другое, а то же самое слово, толь-

ко принявшее другую, нѣсколько отличную форму: оно упраздняетъ прежнюю устарѣлую или трудно произносимую форму, но сохраняетъ прежнее значеніе. Такъ, брада, измѣнившись въ бороду, не перемѣнила значенія: оба слова выражаютъ одно и то же понятіе, а понятіе есть внутренняя, хотя сокровенная, но не отдѣлимая отъ слова часть—и нынѣ борода значитъ то же, что попрежнему брада. Это какъ бы двѣ формы или два фазиса одного и того же понятія въ его словесномъ, звуковомъ выраженіи, а не два совершенно различныя по внутреннему содержанію слова: употребленіе одного изъ нихъ упразднило потребность въ другомъ, -вотъ и все. Если-бы слово царь было славянскимъ преобразованіемъ или видоизмѣненіемъ латинскаго caesar, то ему всего естественнѣе было-бы сохранить значеніе своего первообраза, подобно нѣмецкому Kaiser, преобразованному изъ caesar въ его греческой (классической) формѣ καισαρ; но у южныхъ славянъ слова царь и кесарь употребляются рядомъ, одновременно и въ смыслѣ другъ отъ друга отличномъ,—ясно, что они представляютъ не одно и то же: это два понятія, два слова, а не одно понятіе въ различныхъ формахъ, какъ καισαρ, Kaiser, кесарь -одинаково императоръ: это не три слова, различныя по внутреннему содержанію (или понятію ими выражаемому), это одно и то же слово въ его различныхъ произношеніяхъ.

3. То обстоятельство, что болгарскіе государи носили титулъ царей, а государи сербовъ жупановъ и потомъ королей, невольно заставляетъ думать, что слово царь пришло къ болгарамъ не зъ запада, изъ Рима; ёще менѣе можно думать, что оно пришло изъ Византіи. Еще въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. при Діоклетіанѣ, по совѣщанію его въ Миланѣ съ возведеннымъ имъ сперва въ кесари, а потомъ и въ императоры Максиміаномъ

(вскорѣ, слѣдовательно, послѣ перваго раздѣленія римской имперіи на восточную и западную) каждый изъ двухъ императоровъ избралъ себѣ помощника съ титуломъ цезаря (иначе кесаря), удержавши за саномъ императора, только за собою титулъ „Augustus", имѣвшій религіозное значеніе и освящавшій ихъ особу. Съ этихъ поръ названіе цезарь безспорно перестаетъ отожествляться или быть равнымъ по достоинству съ римскимъ Augustus и греческимъ Βασιλεύς и въ этомъ своемъ второстепенномъ значеніи оно сохраняетъ въ Восточной Римской или Византійской, иначе Греческой имперіи и послѣ Константина и Θеодосія Великихъ (т. е. послѣ перенесенія столицы изъ Рима въ Византію и послѣ окончательнаго раздѣленія имперіи). Слово цезарь или, по византійскому произношенію, кесарь въ Византіи никогда не обозначало верховнаго повелителя или государя, а только его ближайшаго помощника въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ и защиты его отъ напиравшихъ на него со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ и грозныхъ враговъ: перваго между всѣми его подданными, но никакъ не равнаго ему. Въ приложеніи къ императору слово кесарь въ Византійской имперіи означало бы умаленіе царскаго достоинства и въ этомъ смыслѣ не могло употребляться. Возводя кого-либо въ достоинство кесаря, императоръ византійскій указывалъ этимъ народу на то лицо, которое по его качествамъ и талантамъ онъ считаетъ способнымъ и достойнымъ быть на престолѣ, въ случаѣ своей преждевременной или бездѣтной кончины; но этимъ императоръ еще не дѣлалъ его своимъ соправителемъ, равнымъ себѣ по царскому достоинству, а только своимъ ближайшимъ помощникомъ (преимущественно въ дѣлѣ защиты государства отъ внѣшнихъ враговъ). Какимъ же образомъ слово цезарь или, правильнѣе, кесарь изъ

Византіи могло бы перейти въ Болгарію въ смыслѣ государя, когда въ самой Византіи оно само этого значенія никогда не имѣло (да и произносилось отлично отъ него)?

4. Кромѣ того, съ какого времени приблизительно мы можемъ считать вліяніе Византіи на болгаръ наиболѣе дѣйствительнымъ и замѣтнымъ? Вліяніе Византіи на болгаръ сдѣлалось особенно сильнымъ и ясно выраженнымъ со времени введенія и распространенія въ Болгаріи христіанства во второй половинѣ IX вѣка; но по справедливому замѣчанію г. Соболевскаго слово царь „уже въ IX вѣкѣ было народнымъ болгарскимъ и означало вообще государя“,—какъ же оно такъ скоро могло изъ „цѣсарь“ превратиться въ царь? Прежде нежели такія простыя слова, какъ древне-арійское, сохранившееся въ санскритѣ twa и происшедшее отъ того же корня древне-германское, вестготское (сохранившееся въ отрывкахъ Евангелія въ переводѣ аріанскаго епископа Ульфилы) tvei превратилось въ устахъ русскихъ и нѣмцевъ въ два и zwei, прошли вѣка[12]). Само раннее употребленіе у болгаръ слова царь, по моему мнѣнію, указываетъ на то, что оно было знакомо болгарамъ еще съ давнихъ временъ раньше перевода Св. Писанія на болгарскій языкъ: въ самомъ началѣ болгарской письменности оно употребляется, какъ слово очень хорошо извѣстное, вполнѣ понятное народу, съ своимъ вполнѣ опредѣленнымъ, установившимся значеніемъ и въ своей обычной и нынѣ намъ извѣстной формѣ. Для того, чтобы одно слово можно было признать возникшимъ изъ другого, нужно, чтобы въ основѣ ихъ лежалъ одинъ и

[12]) Ulfilas oder die unerhaltenen Denkmäler der gothischen Sprache стр. 300. Neu herausgegeben von D-r. Moritz Heyne, Professor an der Universität Basel. Paderborn 1874.

тотъ же корень; но одинаковости корня въ словахъ царь и caesar или въ греческомъ начертаніи καισαρ не существуетъ, зато существуетъ разница въ понятіяхъ ими выражаемыхъ: изъ самаго болгарскаго перевода Св. Писанія ясно, что у болгаръ слово царь употреблялось въ смыслѣ государя вообще, а слово caesar этого значенія никогда не имѣло и не имѣетъ. Если бы слова царь и цезарь или (по греческому произношенію) кесарь, имѣли одинаковое значеніе, оба выражали понятіе о государѣ вообще, то извѣстное Евангельское выраженіе, сказанное евреями на вопросъ Пилата: „царя ли вашего распну?“ —„не и́мамы царя́, то́кмо ке́саря“ [13]) представляло бы собою какую-то странную и непонятную тавтологію или тождесловіе; между тѣмъ, какъ смыслъ вышеприведеннаго Евангельскаго выраженія вполнѣ ясенъ, опредѣленъ и точенъ: „не имамы царя, токмо кесаря“, значитъ: „нѣтъ у насъ царя“ т. е. государя, „кромѣ кесаря“, т. е. императора римскаго, которымъ былъ въ то время Тиверій, а Тиверій, какъ извѣстно, названіе цезаря, по его славѣ и популярности въ войскѣ и въ массѣ римскаго населенія, предпочиталъ всѣмъ другимъ титуламъ, названіе же цезаря ему принадлежало по преемству усыновленія отъ Августа, усыновленнаго знаменитымъ Юліемъ Цезаремъ. Благодаря этому, употребленному евреями и льстившему Тиверію, выраженію, слово кесарь у новыхъ европейскихъ (христіанскихъ) народовъ стало употребляться въ смыслѣ императора и преимущественно императора римскаго: Kaiser или кесарь, какъ глава священной римской имперіи, какъ государь Германіи— король. Считаю не лишнимъ выразить свою мысль объ этомъ нѣсколько подробнѣе и точнѣе. По моему мнѣнію, именно въ

[13]) Евангеліе отъ Іоанна гл. ѲІ, ЕІ (стр. 464).

силу того, что первые императоры (изъ дома Августа) были цезари (по преемству усыновленія) и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ Евангельскихъ выраженій (какъ напр.: „Воздадите убо кесарево кесареви“ и пр., а также и вышеприведеннаго: „Не имамы царя, токмо кесаря“), гдѣ слово кесарь, очевидно, означаетъ императора (римскаго—единственнаго тогда во всемъ мірѣ), въ средніе вѣка у новыхъ христіанскихъ народовъ слово кесарь, Kaiser, стало означать сперва императора священной римской имперіи, а впослѣдствіи, ставши какъ бы синонимомъ слова императоръ, начало прилагаться и ко всѣмъ прочимъ императорамъ. Не страннымъ ли должно казаться, что нѣмцы, столь близко поставленные къ Италіи и Риму, входившіе въ сношенія съ римлянами еще въ до-христіанскія времена, заимствуютъ императорскій титулъ своего государя отъ καῖσαρ т. е. отъ caesar въ его греческой формѣ, а болгары, изъ всѣхъ (даже южныхъ) славянскихъ народовъ наиболѣе близкіе къ Византіи и столь часто приходившіе въ сношенія съ нею, слово для выраженія понятія о государѣ вообще заимствуютъ отъ того же caesar только въ его римской (латинской, а не греческой) формѣ. Что нѣмцы заимствовали титулъ императора извнѣ, это понятно: у нихъ на родинѣ, въ Германіи, императоровъ не было; но болгарамъ зачѣмъ понадобилось производить отъ caesar слово для выраженія понятія о государѣ вообще, развѣ до того времени у нихъ никакихъ государей не было? Такое слово они должны были бы найти гораздо раньше своего знакомства съ Римомъ и Византіей и такое слово есть несомнѣнно царь: въ самомъ началѣ болгарской письменности оно является словомъ, какъ выразился г. Соболевскій, „народнымъ“ т. е. всѣмъ хорошо извѣстнымъ и употребляется въ смыслѣ отличномъ отъ кесарь или

цезарь и уже по этому одному производимо отъ него быть не можетъ. Итакъ, дѣлаю сжатый выводъ изъ всего предыдущаго: на основаніи историко-филологическихъ данныхъ слово царь представляется совершенно независимымъ отъ болгарскихъ „цѣсарь" и „цьсарь". Отъ ихъ первообраза, caesar, въ его болѣе согласной съ классическимъ произношеніемъ формѣ (καισαρ) произошло нѣмецкое Kaiser для означенія императора, но не славяно-русское царь; его корень цар или сар, но не caes или καισ. Въ пренебреженіи къ корню слова заключается и самая ошибка производства слова царь отъ caesar, цѣсарь, цьсарь; ошибка грубая потому, что она противорѣчитъ всему, что намъ извѣстно о возникновеніи или происхожденіи словъ въ языкахъ человѣческихъ: въ корнѣ слова заключается самое понятіе слова, это его существенная часть; приставками, окончаніями и флексіями выражаютъ отношенія между понятіями, но не самыя понятія. На корень слова, на его существеннѣйшую, необходимую часть и нужно было прежде всего и болѣе всего обратить вниманіе, объясняя происхожденіе даннаго слова, а не на звуковое сходство цьсарь и царь, могущее быть совершенно случайнымъ и тѣмъ болѣе ненадежнымъ и обманчивымъ, что мы не знаемъ даже съ точностью, какъ произносилось первое изъ нихъ, -на какомъ же основаніи производить отъ него второе?

III. Часть историко-географическая.

Теперь предстоитъ отыскать корень слова царь, если оно производное, или его первообразъ, если оно только видоизмѣненіе, согласно фонетическимъ требованіямъ славянской рѣчи, слова иной рѣчи, иного говора. Въ виду односложной краткости этого слова трудно

считать его производнымъ въ томъ смыслѣ, какъ латинское imperator отъ imperium (власть, начальство); корнемъ или, вѣрнѣе, первообразомъ его, по всей вѣроятности, было само искомое слово, и наше „царь“ должно быть есть только славянское видоизмѣненіе этого первоначальнаго, искомаго слова, подобно тому, какъ нѣмецкое Kaiser есть видоизмѣненное древне-греческое καισαρ въ его Эразмовскомъ чтеніи (кайсаръ). Какъ и гдѣ отыскать это желанное, необходимое для рѣшенія вопроса слово? Поле языковѣдѣнія такъ обширно, почти безгранично, словъ въ языкахъ такое множество; но это не преграда для разумнаго изслѣдованія, это даже не такъ страшно, какъ кажется: словъ множество, масса—это правда, но словъ, выражающихъ то же понятіе, что и слово царь,—выражающихъ понятіе о главѣ государства, о верховномъ повелителѣ своего народа, о государѣ вообще,—сравнительно немного. На нихъ-то и должно быть прежде всего обращено вниманіе изслѣдователя. Это само собою упрощаетъ задачу, сразу облегчаетъ трудъ. Но и поле народовѣдѣнія, исторіи также обширно; куда же обратить свои взоры, гдѣ искать рѣшенія загадки? Отдадимъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ; посмотримъ, что скажетъ географія при свѣтѣ исторіи. Пойдемте сперва на сѣверъ, въ предѣлы нашего дорогого, намъ всегда любезнаго отечества.

1. Слово царь пришло къ славянамъ, конечно, не съ сѣвера Европы; тамъ жили, въ періодъ утвержденія христіанства и возникновенія письменности у южныхъ славянъ, русскіе и, еще далѣе за ними на сѣверѣ, финны. Если бы слово царь пришло къ славянамъ съ сѣвера, то оно встрѣчалось бы у русскихъ еще прежде, чѣмъ у болгаръ; но фактовъ, подтверждающихъ такое предположеніе, нѣтъ, а есть противорѣчащіе, служащіе

ему противопоказаніемъ. Въ началѣ нашей исторіи русскіе государи носили титулъ князей, великихъ князей, а не царей. Современникъ Ярослава I Мудраго митрополитъ Илларіонъ (первый русскій митрополитъ изъ русскихъ) въ похвальномъ словѣ великому князю, просвѣтителю Россіи, величаетъ его „каганомъ“ [14]), заимствуя этотъ титулъ у нѣкогда могущественныхъ (бравшихъ даже, по свидѣтельству лѣтописи, дань съ русскихъ) казаръ. Титулъ казарскаго хана „каганъ“ могъ въ это время казаться болѣе пышнымъ, чѣмъ княжескій, и какъ такой вполнѣ подобающимъ князю, совершившему великое и славное дѣло принятія христіанства и крещенія Руси. Заимствовать титулъ государя у казаръ, могущество которыхъ уже клонилось къ упадку, не было бы надобности, если-бы русскимъ того времени было повсюду хорошо извѣстнымъ и вошедшимъ во всеобщее понятное народу употребленіе слово царь, прилагающееся нынѣ нами къ самымъ могущественнымъ и славнымъ государямъ земнымъ и употребляющееся даже въ благоговѣйномъ молитвенномъ обращеніи къ самому Господу „Царю Небесному“. Слово царь у славянъ не туземное: его корня въ многочисленныхъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ нѣтъ, въ преданіяхъ стародавней языческой старины оно нигдѣ не встрѣчается. У насъ, русскихъ, это слово временъ вполнѣ христіанскихъ. У финновъ и другихъ инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи, оно уже давно было бы найдено, если бы въ ихъ языкахъ оно было. Ясно, что слово царь пришло къ болгарамъ не съ сѣвера—не отъ насъ и не черезъ насъ, а напротивъ, вмѣстѣ съ переводомъ Св. Писанія

[14]) „Похвала кагану нашему Владиміру“. См. любой учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

и богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ отъ болгаръ къ намъ. Такъ полагаютъ многіе извѣстные своей ученостью историки и филологи слависты, и нѣтъ основанія оспаривать это мнѣніе; но согласиться съ производствомъ слова царь отъ цесарь нѣтъ достаточныхъ основаній. Вотъ примѣръ шаткости такого производства или такого отожествленія одного слова другому. „Онъ былъ также“, говорится въ учебникѣ г. Иловайскаго о Симеонѣ болгарскомъ, „самымъ могущественнымъ изъ государей болгарскихъ и принялъ титулъ цесаря или царя“ [15]). Что Симеонъ принялъ титулъ царя, то это возможно; слово царь было извѣстно болгарамъ еще прежде перевода Св. Писанія; въ немъ оно уже является, какъ вполнѣ понятное народу и отличное отъ кесаря (императора). Что онъ принялъ титулъ цесаря—это тоже возможно **): „Симеонъ“, говоритъ г. Иловайскій, „стремился осуществить завѣтную цѣль болгарскихъ властителей, т. е. овладѣть Византіей и туда перести свою столицу“. Титулъ цесаря, служившій со временъ Діоклетіана какъ бы переходомъ къ императорской власти, могъ казаться ему не только почетнымъ, но и вполнѣ подходящимъ къ завѣтной цѣли его стремленій. Не забудемъ, что короли готовъ, франковъ и другихъ варварскихъ народовъ гордились даже названіемъ римскаго патриція, самъ Карлъ Великій носилъ этотъ титулъ до принятія императорской короны и возобновленія Западной Римской имперіи; тѣмъ болѣе почетнымъ могъ казаться титулъ цесаря, занимавшій въ это время непосредственное мѣсто (второе въ имперіи) послѣ императорскаго. Нѣтъ сомнѣнія,

[15]) См. Средняя исторія. Курсъ старшаго возраста. Составилъ Д, Иловайскій. Изданіе 15-ое. Москва, 1885 г. стр. 114.

**) Тамъ же, на той страницѣ (болѣе мелкимъ шрифтомъ)

что слово царь было извѣстно болгарамъ раньше, нежели русскимъ; но что цесарь значило царь, то это—предположеніе, противорѣчащее фактамъ исторіи и правиламъ филологіи. Въ происхожденіи слова царь болгарскія версіи—цѣсарь и по другому начертанію цьсарь—совершенно не причемъ. Переводъ Св. Писанія первоначально былъ сдѣланъ вовсе даже не для болгаръ, какое же слово замѣняло тамъ слово царь, если оно происходитъ отъ болгарскихъ цѣсарь, цьсарь? Такого слова мы не знаемъ: въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ, слово царь всегда стоитъ на своемъ мѣстѣ: всегда означаетъ государя вообще въ отличіе отъ кесаря, императора римскаго. Такъ, въ извѣстномъ выраженіи „не имамы царя, токмо кесаря“, гдѣ слово царь совершенно ясно противопоставляется слову кесарь, означающему императора Тиверія. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется то, что появленіе въ славянской письменности слова царь одновременно съ возникновеніемъ самой письменности—одновременно съ изобрѣтеніемъ азбуки славянской и переводомъ Св. Писанія на славянскій языкъ; но въ такомъ случаѣ рождается вопросъ: откуда же взяли это слово приснопамятные переводчики Св. Писанія на славянскій языкъ, высокопочитаемые апостолы славянъ, свв. братья Кириллъ и Меѳодій? Въ этомъ самая суть вопроса, а не въ пустой, ничего не рѣшающей игрѣ случайно сходнозвучныхъ словъ: цѣсарь, цьсарь, откуда—царь, посредствующее звено которыхъ цьсарь неизвѣстно даже съ точностью какъ и произносилось и, судя по аналогіи, должно было быть болѣе древнимъ начертаніемъ, нежели цѣсарь. Притомъ кто можетъ поручиться, что начертаніе цьсарь не есть плодъ остроумнаго домысла переписчиковъ: начертаніе ць, какъ це смягченное, могло, по ихъ соображенію, произноситься

какъ цѣ, откуда цьсарь даетъ въ чтеніи цѣсарь. Но оставимъ эту безполезную игру словъ, ни къ какому ясному, рѣшительному заключенію насъ не приводящую; не въ ней суть вопроса. Дать положительный, вполнѣ опредѣленный, согласный съ фактами исторіи и законами филологіи, отвѣтъ на вопросъ, откуда взяли слово царь апостолы славянъ,—вотъ это значило-бы разрѣшить задачу. Отвѣтъ этотъ долженъ служить выраженіемъ исторической дѣйствительности, а не нашихъ личныхъ предубѣжденій, основанныхъ въ большинствѣ случаевъ на отвлеченныхъ соображеніяхъ и недостаточномъ обслѣдованіи фактовъ.

Что же дѣлать, чтобы достигнуть такого желаннаго результата? Оставивъ безполезныя и сбивчивыя предположенія, обратимся снова къ историко-географическимъ даннымъ, посмотримъ, что скажутъ онѣ намъ въ ихъ неизмѣнной фактической простотѣ и правдивости. Мы были на сѣверѣ, пойдемте теперь на югъ.

2. На югъ отъ Балканскаго полуострова лежитъ Средиземное море, а еще далѣе за нимъ—Африка (λιβυγ древнихъ грековъ), сѣверныя прибрежныя области которой всѣ въ разное время вошли въ составъ римскаго государства и подверглись вліянію греческой и римской образованности [16]), но у классическихъ писателей Греціи и Рима слово царь не встрѣчается; изъ тузем-

[16]) Эти области отъ востока къ западу были: 1) Египетъ; 2) Мармарика, причисляемая обыкновенно къ Киренаикѣ, населенная во время Геродота номадами; 3) Киренаика, названная по главному городу Κυρενη, основанной жителями Θеры (острова Іонич. м.) въ 631 г. до Р. Х. Кирена была родиной Эратосфена, одного изъ величайшихъ ученыхъ Александрійскаго періода греческой образованности, имѣвшаго ясное представленіе о шарообразности обитаемой нами планеты и впер-

ныхъ источниковъ таковые имѣются въ изобиліи въ Египтѣ въ его іероглифическихъ и болѣе упрощенныхъ іератическихъ письменахъ на камнѣ и на папирусѣ, нынѣ успѣшно разбираемыхъ египтологами, но изъ ученыхъ трудовъ извѣстныхъ въ наукѣ знатоковъ древне-египетской жизни и письменъ видно, что слово царь чуждо языку древнихъ обитателей Египта, государи же ихъ считались сынами бога солнца—„Ра“ и назывались фараонами: „l'épithète de fils du dieu soleil est l'accessoire obligé de tout nom de pharaon“ (эпитетъ сынъ бога солнца есть необходимая (обязательная) принадлежность всякаго имени фараона), говоритъ г. Ф. Ленорманъ [17]). „Que le fils du soleil, le pharaon, soit vénéré“ (да будетъ почитаемъ сынъ солнца фараонъ), говорится въ одномъ древне-египетскомъ гимнѣ, выдержки изъ котораго приводитъ г. Ж. Масперо [18]). Относительно вопроса насъ занимающаго Египетъ до сей поры ничего не далъ. До насъ дошло еще названіе сановниковъ, стоявшихъ во главѣ государственнаго устройства древняго Карѳагена, но ихъ одновременно было два и они назывались суффетами—„schophetim“,

---

вые опредѣлившаго положеніе эклиптики. Киренаика называлась впослѣдствіи Пентаполемъ—пятиградіемъ; 4) область бывшаго Карѳагена или Africa propria у римлянъ; 5) Нумидія и 6) Мавританія. Южнѣе 2-хъ послѣднихъ лежала еще Гетулія, съ населеніемъ, которое Салюстій характеризуетъ какъ „genus hominum ferrum incultumque et lo tempore ignarum nominis Romani“ породу или племя людей, свирѣпое и грубое и до сей поры не знающее имени римскаго. См. Crispi Sallustrii Jugurtha bellum Jugurthinum c. LXXX pag. LXXX 247 ст.

[17]) F. Lenormant: Manuel d'histoire ancienne de l' Orient. 1869 г. t. I liv. 3, ch. V § 2. Organisation politique p. 484.

[18]) G. Maspero: Histoire ancienne des peuples de l'Orient. Paris, 1878. t. I, ch. I, p. 35.

по Ленорману [19]), это слово, не имѣющее ничего общаго со словомъ царь; притомъ власть суффетовъ была, подобно власти венеціанскаго дожа сильно ограничена торговой аристократіей Карѳагена [20]) и не можетъ идти въ сравненіе съ неограниченной царской властью. Государей Нумидіи и Мавританіи латинскіе писатели обыкновенно обозначаютъ словомъ rex [21]), туземное названіе ихъ сана если и было извѣстно римлянамъ, то дальше Рима не пошло и для насъ осталось безполезно. Кромѣ финикійскихъ и греческихъ колоній, сѣверная, прилегающая къ Средиземному морю, Африка въ V в. до Р. Х. была, по свидѣтельству Геродота, обитаема въ восточной своей части до озера Тритона, низменной и песчаной („ταπεινή τε καὶ ψαμμώδης“), какъ и слѣдовало ожидать по свойству почвы, номадами; а въ западной (отъ рѣки и озера Тритона) весьма гористой, лѣсистой и богатой хищными звѣрями („ορείνη τε κάρτα καὶ δασέα καὶ θηριώδης) уже земледѣльцами, жившими въ домахъ („ἀροτῆρες ἤδη λίβυες καὶ οἰκίας νομίζοντες ἐκτῆσθαι“ [22]) „Отецъ исторіи“ перечисляетъ извѣстные ему народы Ливіи, называетъ ихъ по именамъ, говоритъ объ ихъ обычаяхъ, но свѣдѣній объ ихъ языкѣ, къ сожалѣнію, не даетъ почти никакихъ. Въ одномъ только мѣстѣ IV-ой книги (обозначаемой въ нѣкоторыхъ изданіяхъ названіемъ музы трагедіи Мельпомены) Геродотъ, разсказывая любопытныя обстоятельства, сопровождавшія

[19]) Вышеозначенное сочиненіе t. 3, liv. 6, ch. 6. Institution et moeurs de Carthage; page 216 (gouvernement II).

[20]) F. Lenormant, ibid. II—III page 216—220; на стр. 219-ой внизу мнѣніе Геерена.

[21]) См. любую главу „Bellum Jugurthinum“ Салюстія, гдѣ упоминаются имена Массиниссы, Миципсы, Югурты, Бокха и др., царствовавшихъ въ Нумидіи и Мавританіи лицъ.

[22]) Herodoti lib. IV. CXCI.

основаніе Кирены („Κυρήνη") [23], замѣчаетъ по поводу имени предводителя колонистовъ „βάττος" основателя и въ продолженіе 40 лѣтъ царя Кирены, что, по его, Геродота, мнѣнію, онъ имѣлъ другое имя, Баттомъ же сталь называться по причинѣ достоинства, которому прилагается это слово, и послѣ того, какъ пиѳія, зная, что онъ будетъ царемъ въ Ливіи, въ обращеніи къ нему употребила это слово: „Λίβσες γαρ βασίλεα βάττον καλέουσι", ибо ливійцы царя называютъ баттомъ, прибавляетъ Геродотъ въ поясненіе своей мысли [24]). Но слово Βάττος по своему звуковому составу совершенно отлично отъ слова царь. Оно должно было перейти въ славянскій языкъ только съ отбросомъ окончанія os, соотвѣтствующаго латинскому us, несвойственнаго славянской рѣчи, подобно οὐρανός = Uranus = Уранъ, Βάττος = Battus = Баттъ. Ясно, что слово Βάττος, хотя и обозначало у ливійцевъ государя, не могло послужить ни корнемъ, ни первообразомъ для образованія изъ него славяно-русскаго „царь". Кромѣ переселенцевъ изъ Финикіи и Греціи, въ Африку, безъ сомнѣнія, прибывали и другіе переселенцы изъ передней Азіи, искавшіе мѣста для славы, добычи и счастья. Салюстій „ex libris punicis" говоритъ о прибытіи въ Африку моремъ мидянъ, персовъ, армянъ, поселившихся въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю (navibus in Africam trans vesti proximos nostro mari locus occupavere [25]). Намъ нѣтъ надобности останавливаться на разсмотрѣніи того, насколько правдоподобно и достовѣрно извѣстіе, сообщемое Салюстіемъ. Жизнь, наз-

---

[23]) Herod. IV. CL.

[24]) Herod. IV. LV.

[25]) См. Sallusti, Jugurtha bellum Jugurthinum XVII и XVIII, стр. 64—62.

ванныхъ имъ народовъ развивалась роскошнѣе и дала болѣе пышный цвѣтъ въ Азіи, откуда первоначально вышли всѣ арійскіе народы (въ томъ числѣ и наши предки-славяне). Мы найдемъ мидянъ, персовъ и армянъ въ Азіи, въ ихъ настоящей родинѣ. Тоже должно разумѣть и о другихъ народахъ, приходившихъ изъ Азіи моремъ и сушею въ сѣверную Африку: мы ихъ найдемъ, если это понадобится, въ Азіи, но я думаю, что такой надобности вовсе даже не предвидится. По прибытіи въ Африку эти народы соединились съ ливійцами и въ союзѣ съ ними сильно напирали на Египетъ, желая овладѣть плодородной Нильской долиной, въ западной части которой они одно время даже успѣли утвердиться. Египетскіе фараоны вели съ ними упорную борьбу отъ Сетиса I до Рамзеса III, нанесшаго имъ сильное пораженіе на морѣ и сушѣ (послѣднее блестящее дѣло египетскаго оружія). Повѣствующіе объ этомъ событіи египетскіе документы называютъ по именамъ нѣкоторыхъ предводителей, но слово царь ни передъ именами, ни послѣ не употребляютъ. Очевидно, оно досталось въ наслѣдство намъ не отъ египтянъ и не отъ ихъ африканскихъ противниковъ, оно пришло въ употребленіе къ славянамъ инымъ путемъ, дорогой болѣе близкой по времени и мѣсту, нежели Египетъ и Ливія въ тѣ отдаленныя времена. Что касается до кореннаго туземнаго населенія сѣверной Африки, то оно, какъ полагаютъ ученые знатоки древне-исторической жизни, было родственно древнимъ обитателямъ Египта и занимало нѣкогда весь сѣверъ Африки отъ Нильской долины до Атлантическаго океана. И нынѣ во всей сѣверной Африкѣ подъ разными названіями живутъ народы берберскаго племени, по всей вѣроятности, прямые потомки древнѣйшаго кореннаго населенія; но слово царь не отъ нихъ пришло къ славянамъ. Языкъ

берберовъ, съ которымъ познакомили европейцевъ труды ученыхъ офицеровъ французской африканской арміи, представляетъ большое родство съ языкомъ древнихъ египтянъ—„offre une grande parenté avec l'ancien égyptien“ [26]). На этомъ же (родственномъ древне-египетскому) языкѣ написаны немногія дошедшія до насъ надписи, сдѣланныя туземцами Ливіи, Нумидіи и Мавританіи въ древнія времена [27]). За сѣверной населенной частью Африки тянутся, какъ извѣстно, возвышенныя, богатыя солью, каменистыя, песчаныя и пустынныя пространства Сахары, съ народонаселеніемъ рѣдкимъ, разбросаннымъ въ оазахъ пустыни. По Геродоту, за приморской населенной полосой далѣе внутрь страны Ливія была богата звѣрями—„ἐς μεσόραιαν ἡ θηριώδης ἐστὶ λιβύη“; это, безъ сомнѣнія, окраина обитаемыхъ мѣстностей съ пустыней „ὑπὲρ δὲ τῆς θηριώδεος ὀφρύη—φάμμω καθήκει παρατεινουσα ἀπὸ θηβέων τῶν Αἰνυ πτεων ἐν Ηρακλέον στήλας“. За этой мѣстностью или страною, изобилующей звѣрями, лежатъ возвышенныя песчаныя пространства, тянущіяся отъ египетскихъ Ѳивъ до столбовъ Геркулеса. Геродотъ говоритъ объ оазахъ этой обширной пустыни не какъ очевидецъ, а по разсказамъ другихъ; это видно изъ однообразно правильнаго размѣщенія оазовъ въ пустынѣ и отчасти изъ однообразно сходнаго появленія воды въ каждомъ изъ нихъ [28]). Ге-

---

[26]) F. Lenormant. Manuel d'histoire ancienne de l'Orient t. 3 ch. V. Les nations de l'Afrique septentrionale page 154 edit. 1869... „offre une grande parenté avec l'ancien égyptien“.

[27]) Ibid.

[28]) По разсказамъ, передаваемымъ Геродотомъ, по этой пустынной возвышенности черезъ десять дней пути „διὰ δέκα ἡμεριῶν ὁδοῦ“ соль въ большихъ кускахъ образуетъ холмообразныя возвышенія ἐν καλωνοῖσι καὶ εν κορυφῇσι, ἑκάστου τοῦ κολωνοῦ ανα κοῦπξει ἐυμέσου τοῦ ἅλος ὕδωρ—ψυχρὸν καὶ γλυκύ и изъ верхушки каж-

родотъ, разсказывая по слухамъ объ оазахъ, мало говоритъ о людяхъ, ихъ населяющихъ, и ничего объ ихъ языкѣ. Нынѣ, какъ извѣстно, въ оазахъ Сахары господствуютъ туареги, одно изъ развѣтвленій берберскаго племени; алфавитъ, которымъ они пользуются въ настоящее время, есть тотъ самый, который употребляло туземное населеніе сѣверной Африки еще во времена владычества карѳагенскаго. Въ ихъ языкѣ, какъ и вообще въ языкѣ берберовъ, нѣтъ, слѣдовательно, основанія тщательно разыскивать искомое слово. Еще далѣе въ глубь Африки, на югъ за Сахарой лежатъ страны центральной внутренней Африки, населенные неграми (Суданъ и Нигриціи). Объ этихъ странахъ древніе имѣли столь скудныя свѣдѣнія, что эта часть Африки была для нихъ почти terra incognita и такою она оставалась до новѣйшихъ временъ; нынѣ она населена на-

даго холма бьетъ вверхъ посреди соли ключъ воды холодной и прѣсной „περὶ δε αὐτὸ", вокругъ же него, прибавляетъ Геродотъ, „ἄνθροποι οἰκεουσι" обитаютъ люди. Первые отъ Ѳивъ черезъ 10 дней пути аммонійцы, оазы которыхъ были извѣстны древнимъ народамъ оракуломъ Юпитера Аммона—„μετὰ δὲ'Αμμωνίου διὰ τῆς οφρύης τῆς ψάμμον δι'ἄλλων δέκα ἡμερέων ὀδοῦ, κολωνός τε ἀλός ἐστι ὅμοις τῳ'Αμμωνίω καὶ ὕδωρ, καὶ ἄνθροποι περὶ ἀντὸν οἰκέουσι". За аммонійцами по этой песчаной возвышенности черезъ 10 другихъ дней пути есть холмъ соли, подобный аммонскому, и ключъ и вода вокругъ него, а далѣе оазы идутъ въ томъ же порядкѣ, διὰ δέκα ἡμερέων ἄλλων; ἕτερος δ'λος κολωνός καὶ ὕδωρ καὶ φοίνικες καρποφόι πολλοίκατα περ καὶ εν τοτσι ἑτεροισι καὶ ἄνθροποι οἰκέόσι; черезъ 10 другихъ дней пути другой холмъ соли и ключъ и пальмы, приносящія плоды, точно такъ, какъ и въ другихъ оазахъ; и люди живутъ. Сахара представляетъ собою бывшее дно морское, присутствіе во многихъ мѣстахъ осадочной (на видъ крупно-зернистой) соли очень естественно и понятно; но такого правильнаго распредѣленія оазовъ, какое предполагалъ Геродотъ по разсказамъ жителей Ливіи, дѣйствительностью, насколько намъ извѣстно, не подтверждается.

родами, находящимися на очень низкой ступени умственнаго развитія и общественной жизни. Не въ пустыняхъ Африки, не среди полудикаго варварскаго населенія мы должны искать рѣшенія занимающаго насъ вопроса: слово царь, какъ показываетъ само значеніе слова, обозначающее лицо, облеченное высшей властью въ государствѣ, могло придти къ славянамъ только отъ народовъ, составлявшихъ правильныя, болѣе или менѣе благоустроенныя, сравнительно съ другими, даже могущественныя государства,—отъ народовъ вполнѣ историческихъ. Этимъ я считаю возможнымъ окончить свое обозрѣніе Африки съ ея народонаселеніемъ, нисколько не погрѣшая противъ основательности изслѣдованія. Скажу словами Салюстія, которыми онъ оканчиваетъ XIX главу, посвященную, вмѣстѣ съ двумя предшествующими, краткому обозрѣнію положенія Африки передъ началомъ югуртинской войны: „De Africa et ejus incolis ad necessitudinem rei satis dictum“ [29]) „объ Африкѣ и ея обитателяхъ, насколько необходимо для дѣла, достаточно сказано“. Уже теперь, имѣя въ виду все прежде сказанное, мы можемъ догадываться, гдѣ искать рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Какъ путникъ послѣ долгаго утомительнаго пути, поднявшись на гору, еще не видитъ мѣста своихъ стремленій, еще сокрытаго вдали, но уже ясно различаетъ путь, ведущій его прямо къ цѣли, такъ и мы достигли того пункта въ своихъ изысканіяхъ, съ вершины котораго мы ясно видимъ свой дальнѣйшій путь и можемъ догадываться, гдѣ искать разгадки: очевидно, не тамъ, гдѣ искали г.г. слависты. Замѣтивъ раннее и вполнѣ понятное народу употребленіе слова царь и не находя въ славянскомъ языкѣ никакого корня, объясняющаго

[29]) Bel. Jugur. Cap. XIX p. 70.

его происхожденіе и смыслъ, они, какъ за якорь спасенія, схватились за громкое имя цесарь, забывши совсѣмъ о томъ, что были весьма благоустроенныя и могущественныя государства на землѣ, завершившія кругъ своей исторической дѣятельности за много вѣковъ до рожденія знаменитаго римскаго диктатора. На эти страны первоначальной исторіи человѣчества указываютъ сами славяне, но ихъ указаніе осталось учеными не замѣченнымъ: такова сила предубѣжденій человѣческихъ! Но не будемъ спѣшить, будемъ подвигаться впередъ медленными, но вѣрными шагами. Посмотримъ, что дали нашимъ предкамъ-славянамъ и, вообще, новоевропейскимъ народамъ Римъ и Византія для обозначенія верховнаго повелителя государства.

IV. Часть повѣрочная.

Выше мы видѣли, что съ Запада, но отнюдь не изъ Рима пришло къ сербамъ слово краль; историки могутъ даже показать, какъ это произошло. Фактъ общеизвѣстный: „le monogramme de la deuxième race“, говоритъ Капефигъ, „est presque toujours le même, aussi bien pour Louis le Debonnaire, Charles le Chauve,

a

que pour Charlemagne. C'est toujours le us K ro ou bien

l

la croix grecque Kar | r / lus | o“ [30]). Не трудно видѣть, что если государи изъ династіи Карловинговъ, каково бы ни было имя, употребляли одну и ту же монограмму, что и Карлъ Великій, выражающую въ чтеніи слово karo-

---

[30]) Charlemagne par Capefigue. Bruxelles 1842 t. II, ch. IV, page 311, см. примѣчаніе.

lus, то это слово въ пониманіи славянъ перестало означать собственное имя, а стало служить названіемъ или титуломъ самаго сана носимаго ими. Сообразно фонетическимъ особенностямъ различныхъ языковъ, оно дало начало у сербовъ слову краль, у поляковъ слову круль, а у насъ, русскихъ, слову король или, по великорусскому выговору, кароль т. е. тотъ же karol-us только съ отбросомъ окончанія us, несвойственнаго славянской рѣчи. Дѣло просто и ясно. Употребляющееся въ литературѣ слово король соотвѣтствуетъ южно-русскому говору; обстоятельство, указывающее на то, что появленіе этого слова въ русскомъ языкѣ относится къ великокняжескому періоду русской исторіи, когда политическая и общественная жизнь сосредоточивались на югѣ Россіи, въ Кіевѣ. Подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что одна изъ дочерей Ярослава I-го Мудраго, Анна, была королевой Франціи [31]), въ замужествѣ съ Генрихомъ I. Выше мы также видѣли, что у римлянъ слово цесарь хотя и прилагалось какъ почетное имя къ императору, но уже въ скоромъ времени перестало отожествляться или обозначать санъ императора. Въ скоромъ времени послѣ прекращенія династіи Августа, со смертью Нерона (въ 68 г. пос. Р. Х.) войско провозгласило императоромъ Веспасіана (въ 69 г.) и его одного привѣтствовало августомъ, а его сына Домиціана привѣтствовало словомъ цесарь,—очевидно, какъ почетнымъ именемъ, а отнюдь не въ смыслѣ государя. Подтвержденіемъ правильности такого заключенія служитъ то обстоятельство, что старшій сынъ Веспасіана, Титъ, котораго Веспасіанъ призналъ рав-

---

[31]) Въ 250 №-рѣ „Кіевлянина“ за 1901 г. напечатано, воспроизведенное въ „Нов. Времени“, письмо папы Николая II (1058—1061 г.) къ Аннѣ Ярославовнѣ, королевѣ французской.

нымъ себѣ по достоинству и приказалъ исполнять его эдикты наравнѣ со своими, принялъ названіе августа только послѣ смерти отца. Изъ этого видно, что слово цесарь у римлянъ перестало обозначать императора со времени прекращенія династіи Августа. Подтвержденіемъ этому можетъ служить также и то обстоятельство, что Плиній Младшій, находившійся въ перепискѣ съ императоромъ Траяномъ (98—117 г.) въ обращеніи къ нему не употребляетъ слова цесарь, а обращается къ нему со словами императоръ, imperator sanctissime, imperator optime и въ большинствѣ писемъ словомъ domine. Если бы слово цесарь продолжало обозначать императора, то почему бы Плинію не употребить и это слово въ обращеніи къ императору? Такъ произошло въ Римѣ, но быть можетъ народы Востока продолжали подъ словомъ цесарь разумѣть императора? Такое предположеніе не можетъ быть принято, и по зрѣлому разсужденію оно должно быть, несомнѣнно, отвергнуто. При самомъ раздѣленіи имперіи на Восточную и Западную Діоклеціанъ избралъ себѣ въ помощники Галерія съ титуломъ цесаря. Когда Галерій былъ побѣжденъ персами (въ той пустынной и безводной мѣстности, гдѣ нѣкогда парфяне разбили Красса), разгнѣванный Діоклеціанъ выѣхалъ навстрѣчу возвращавшемуся войску съ Галеріемъ во главѣ и заставилъ Галерія, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, пройти пѣшкомъ около мили у своей императорской колесницы. Пространство, пройденное Галеріемъ, подъ перомъ второстепенныхъ историковъ выросло, по замѣчанію Гиббона, to several miles [32]) (въ нѣсколько миль). Какъ бы сравнительно незначительно ни было пространство, пройденное Гале-

---

[32]) Gibbon. The Decline and Fall of the Roman Empire t. I. (Стр. 281 пар. 3) ch. XIII.

ріемъ вслѣдъ за императорской колесницей, но жители Антіохіи, въ которой жилъ въ то время императоръ, ясно видѣли, кто господинъ и повелитель и кто, не взирая на высокіе знаки своего достоинства, подчиненный. Повелитель—тотъ, кто возсѣдаетъ на колесницѣ, а тотъ, кто его сопровождаетъ пѣшкомъ, его подчиненный, а не лицо, равное ему по сану. Что достоинство цесаря Византійской имперіи не соотвѣтствовало сану императора, а служило какъ бы переходомъ къ нему, превосходно видно еще изъ свидѣтельства императора Никифора III Ботоніата (1078—1081 г.) въ его письмѣ къ сопернику Никифору Бріенну, котораго войско на Балканскомъ полуостровѣ провозгласило императоромъ, и онъ изъ Македоніи уже двигался съ значительными силами въ Константинополь. Въ этомъ письмѣ Никифоръ III предлагаетъ ему титулъ цесаря, говоря, что его собственная старость и близкая смерть не заставятъ его долго ожидать и сана императорскаго. Привожу и самое письмо за неимѣніемъ подлинника во французскомъ переводѣ, заимствуя его изъ сочиненія академика графа Сегюра [33]): „J'étais l'ami et le compagnon de votre père; vous, êtes i'heri tier de ses ver tus, la Providence ma placé sur le trône. Je veux vons adopter pour fils; recevez, avec le titre de césar, la seconde place de l'empire; mon àge ne vous laissera pas longtemps attendre la première“. Изъ этого письма съ убѣдительной ясностью видно, что въ Восточной Римской имперіи (иначе Византійской или греческой), какъ её называли, со временъ Діоклеціана и до Алексѣя Комнена, санъ цесаря занималъ второе мѣсто въ имперіи, не приравнивался къ сану императорскому, а служилъ

[33]) Abrégé de l'histoire universelle ancienne et moderne à l'usage de la jeunesse. 1819 t. XXIII стр. 48—49.

какъ бы переходомъ къ нему [34]). Гиббонъ въ своемъ сочиненіи, какъ мы выше видѣли, полагаетъ, что названіе цесаря со времени Адріана стало прилагаться преимущественно къ предполагаемому наслѣднику престола. Въ такомъ второстепенномъ значеніи слово цесарь перешло и къ намъ, но, согласно старинному національному обычаю русскому, перешло къ намъ съ *вичемъ*. Какъ отъ царь—царевичъ, такъ и отъ цесарь—у насъ возникло цесаревичъ. Слово, которое усваивается тому изъ царевичей, который признается наслѣдникомъ престола. Слово καισαρ (въ его двухъ различныхъ произношеніяхъ кайсаръ и кесаръ) у новыхъ европейскихъ христіанскихъ народовъ (напр., у нѣмцевъ и славянъ) подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ евангельскихъ выраженій (Не имамы царя, токмо кесаря. Воздайте кесарево кесареви, а божье Богови) стало обозначать императора; но ни нѣмецкое Kaiser, ни славянское кесарь никогда не обозначали государя вообще, но упот-

---

[34]) Алексѣй Комненъ (1081—1118 г.), желая получить содѣйствіе мужа своей сестры, подалъ ему надежду сдѣлаться его соправителемъ въ случаѣ успѣха, но, достигнувъ престола и не желая раздѣлять съ нимъ власть, онъ, чтобы не показаться явнымъ нарушителемъ своего слова, изобрѣлъ особенный титулъ—себастократоръ (что-то вродѣ священно-начальника или священно-властителя), который какъ бы приближалъ носителя его къ императорскому сану. И поставилъ себастократора выше цесаря. Впослѣдствіи еще былъ созданъ новый санъ деспота, который у насъ переводили словами господарь (воевода). Деспотъ былъ поставленъ еще выше себастократора, такъ что санъ цесаря занималъ только третье мѣсто послѣ императорскаго. Всѣ эти высокіе сановники носили пурпуровую мантію и корону, отличную отъ императорской и меньшихъ размѣровъ, и носили зеленую обувь. Красная или пурпуровая обувь была исключительной принадлежностью императорскаго сана. И въ Византіи выраженіе: онъ надѣлъ красную обувь—означало: онъ поднялъ знамя возстанія, провозгласилъ себя императоромъ.

реблялись исключительно въ смыслѣ императора и первоначально императора римскаго, кесаря ромейскаго. Болгарскія же версіи слова цесарь въ изслѣдованіи о происхожденіи слова царь должны быть оставлены навсегда, какъ не идущія къ дѣлу и не только не разрѣшающія вопроса, а, напротивъ, наталкивающія мысль изслѣдователя на ложную дорогу, и въ рѣшеніи этого вопроса составляющія бремя для науки. Гдѣ же искать разрѣшенія загадки? Отвѣтъ на это и составляетъ послѣднюю заключительную часть моей замѣтки.

Часть V. Заключительная.

Откуда пришло къ славянамъ слово царь.

Мы видѣли, что слово царь пришло къ славянамъ не съ сѣвера, не съ юга и не съ запада; передъ нами остается одинъ востокъ. На востокъ указываютъ сами славяне. Западно-европейскихъ государей они называютъ королями, кралями, а восточныхъ государей—царями: царь армянскій, царь понтійскій, царь персидскій... Здѣсь, слѣдовательно, и нужно искать это слово. Гдѣ же именно? Начнемъ сначала. Древнѣйшее могущественное государство въ Азіи, извѣстное намъ изъ библіи, было Ассиро-Вавилонское. Посмотримъ, какой титулъ носили его государи: „Aux premiers des pontifes rois Ismi Dagon, Samsi-Bin, Iri-Amtouk, dont plusieurs avaient payé tribut aux Pharaons, avaient succédé des rois (sar) indépendants de l'Egipte et surtout de la Chaldée, Assour-Narara, Nabou-Dagonete...“ говоритъ г. Масперо въ своемъ сочиненіи Histoire ancienne des peuples de l'orient [35]). „Слово царь по ассирійски пи-

---

[35]) Стр. 275 въ вышеобозначенномъ сочиненіи, изд. 1878 г.

шется sarau, а произносится—sar“, говоритъ г. Астафьевъ, ординарный профессоръ С.-Петерб. историко-филологическаго института въ своемъ сочиненіи „Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ“ (С.-Пет. 1882 г., стр. 31). Итакъ, мы видимъ, что государи ассиро-вавилонскіе за много-много вѣковъ до рожденія цесаря носили уже титулъ саръ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему славяно-русскому слову царь, въ силу самыхъ фонетическихъ свойствъ славянскаго и русскаго говора. Припомнимъ, что финское названіе Сарское село, еще во времена Екатерины Великой извѣстное подъ такимъ названіемъ, теперь называется Царское село; что народъ неграмотный сигару называетъ цигарой, цигаркой; на старыхъ картахъ притокъ Дуная, текущій параллельно Пруту на западъ отъ него, обозначался словомъ Церетъ, а нынѣ Серетъ; что французское слово civilisation дало начало русскому слову цивилизація, впервые употребленному Карамзинымъ; въ лексиконѣ Макарова, посвященномъ Его Императорскому Величеству Александру Николаевичу, слово cédule переведено словами расписка, письмецо, цедулка. Въ старыхъ книгахъ слово цедулка встрѣчалось довольно часто, а нынѣ оно вышло почти изъ употребленія; французское ciboule перешло на югъ Россіи въ Малороссію въ формѣ цыбуля; и для насъ сдѣлается ясно, что и слово *сар* должно было въ устахъ славянъ превратиться въ царь. Мягкое же окончаніе есть обыкновенное окончаніе словъ, переходящихъ изъ греческаго и латинскаго въ нашъ языкъ, напр. орарь, алтарь. Такъ же точно καισαρ и caesar къ намъ переходитъ со смягченнымъ окончаніемъ кесарь и цесарь. Отсюда мы въ правѣ заключить, что ассиро-вавилонское *сар* есть первообразъ слова царь, которое и есть только его фонетическое видоизмѣненіе, вполнѣ

сохранившее свое первоначальное значеніе въ смыслѣ могущественнаго и самовластнаго государя. Персидскіе государи покорили Ассирію и Вавилонъ и въ своихъ трехъязычныхъ клинообразныхъ надписяхъ, долженствовавшихъ потомству сохранить ихъ дѣянія, употребляли слово сар. Это слово во всей передней Азіи отлично было извѣстно всѣмъ. Какимъ же образомъ оно перешло въ Европу къ намъ? Очень просто:—одинъ изъ македонскихъ государей Александръ Великій покорилъ персидское государство и хотѣлъ сдѣлать Вавилонъ столицей своего обширнаго государства. Незадолго до своей смерти онъ отправилъ 15 тысячъ ветерановъ въ Македонію. Эти воины, колесившіе Персію вдоль и поперекъ, безъ сомнѣнія, знали это слово, всѣмъ на востокѣ извѣстное, и перенесли его съ собой въ Македонію. Впослѣдствіи, преобразившись въ устахъ славянъ, согласно фонетическимъ требованіямъ славянскаго говора, въ царь, оно было отлично извѣстно уроженцамъ македонскаго города Солуня, населеннаго на половину греками, на половину славянами, братьямъ Кириллу и Меѳодію, переводчикамъ Св. Писанія на славянскій языкъ. Вотъ почему слово царь въ самомъ началѣ славянской письменности является словомъ всѣмъ хорошо извѣстнымъ въ той же формѣ и въ томъ же значеніи, какое оно имѣетъ у насъ, вообще славянъ. Апостолы славянъ не выдумали его изъ своей головы (какъ могли бы они сдѣлать это, если бы оно было неизвѣстно?). Они только занесли его на скрижали своихъ писаній, заимствуя изъ обще-употребляемаго говора народнаго. Производить же слово царь отъ римскаго цесарь совершенно невозможно. Слѣды такого перехода должны были бы, несомнѣнно, остаться въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ, тѣмъ болѣе, что самый переводъ Св. Писанія первоначально былъ

сдѣланъ вовсе даже не для болгаръ, а между тѣмъ, слово царь является вполнѣ сформировавшимся и съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какъ и впослѣдствіи. Полногласіе является какъ результатъ усовершенствованія голосовыхъ способностей человѣка, тѣсно связанное съ бóльшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ органовъ человѣческой рѣчи, оно должно быть, несомнѣнно, признано явленіемъ позднѣйшимъ, болѣе близкимъ къ намъ, а отнюдь не болѣе древнимъ. Слово цьсарь, напоминающее собою дѣтскій лепетъ, должно быть признано болѣе древнимъ, а не послѣдующимъ сравнительно съ словомъ цѣсарь, подобно тому, какъ сь -бѣ болѣе древне нежели сей—бѣ, первье болѣе древне нежели первѣе, какъ человѣчьскія болѣе древне нежели человѣческія. Видѣть въ словѣ цьсарь переходное звено къ слову царь отъ цесарь мы могли бы только тогда, если бы отъ послѣдняго захотѣли произвести слово царь, но въ такомъ случаѣ слово царь предполагается уже извѣстнымъ, а стало быть не зачѣмъ его и производить. Нѣкоторыя слова, вошедшія въ русскій языкъ и заимствованныя изъ другихъ языковъ, по мѣрѣ распространенія грамотности и знакомства съ иностранными языками, какъ бы возвращаются къ своему первообразу: напр., прежнее цигара превращается въ устахъ грамотныхъ людей въ сигару. Подобнаго возврата къ своему первообразу съ словомъ царь не произошло и ожидать этого въ будущемъ нѣтъ основанія. Первообразъ слова царь былъ давно утраченъ, и самый языкъ, которому онъ принадлежитъ, оставался неизвѣстнымъ, и нынѣ онъ извѣстенъ только горсти ученыхъ, занимающихся изученіемъ и разборомъ клинообразныхъ надписей; это языкъ мертвый. Вошедшее въ нашъ языкъ въ формѣ уже ославянившейся, вполнѣ согласной съ звуковыми требованіями

русскаго языка, это слово сдѣлалось вполнѣ русскимъ и славянскимъ и въ такомъ видѣ оно, безъ сомнѣнія, останется навсегда. Прибавлю къ этому еще слѣдующее: Ролинсонъ, оказавшій столь важныя услуги изученію клинообразныхъ надписей, начертаніе, изображающее слово царь, прочелъ какъ сур; большинство же изучающихъ клинообразныя надписи читаютъ это начертаніе какъ сар. Изъ вышеприведенныхъ мною цитатъ видно, что такъ его читаетъ Масперо и нашъ русскій ординарный профессоръ С.-Петерб. филологическаго института г. Астафьевъ. Наше слово царь служитъ несомнѣннымъ и вѣскимъ подтвержденіемъ правильности такого чтенія, потому что слово сар, согласно фонетическимъ требованіямъ славяно-русской рѣчи, должно было перейти въ слово царь.

*

* *

Этимъ я считаю возможнымъ закончить свою краткую замѣтку о происхожденіи слова „царь“ и его глубокой древности,—замѣтку, которую я старался изложить такъ, чтобы она была понятна всякому образованному человѣку, а для учащихся въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній могла доставить хорошее подготовительное чтеніе для предстоящихъ имъ болѣе серьезныхъ научныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько я успѣлъ въ этомъ, судить не могу, но я почту себя счастливымъ, если мнѣ хотя отчасти удалось достигнуть этой полезной цѣли.

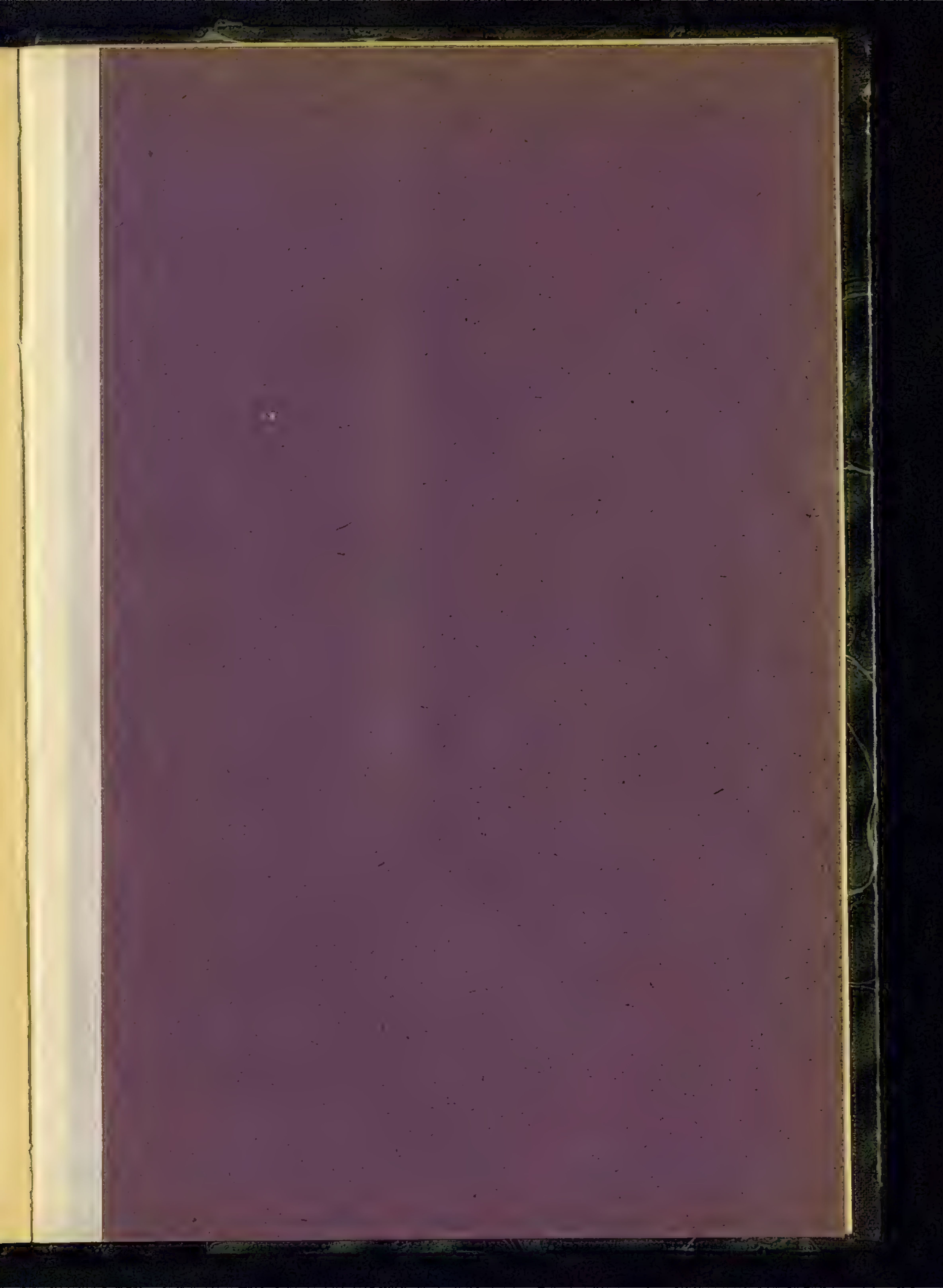
Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
6	11 сверху	доскапальный	доскональный
8	17 „	цѣсарь превратилось	цѣсарь, превратилось
15	2 „	Armenial	Armeniae
15	примѣч. 5	Sidon et Italiens	Sido atque Italicus
16	18 „	Юлія	Юліи
„	4 снизу	Corneliu	Cornelii
17	3 сверху	утвержденіи	утвержденія
„	11 снизу	introducet	introduced
„	9 „	reserwed	reserved
20	5 „	зъ	съ
22	3 „	unerfaltenen	unerhaltenen
„	2 „	herausgegeben	herausgegeben
30	3 „	Эратосфена	Эратосѳена
31	8 „	et lo	et eo
31	6 „	Salustrii	Salustii
32	8 „	lnstitution	Institutions
33	5 сверху	сталь	сталъ
„	5 „	которому	къ которому
39	10 снизу	Веспассіана	Веспасіана
41	12 „	vous, êtes i'heri tier de	vous êtes l'héritier de
„	„ „	Ses ver tus	ses vertus
„	11 „	ma	m'a
„	„ „	vons	vous
43	4 „	l'Egipte	l'Egypte

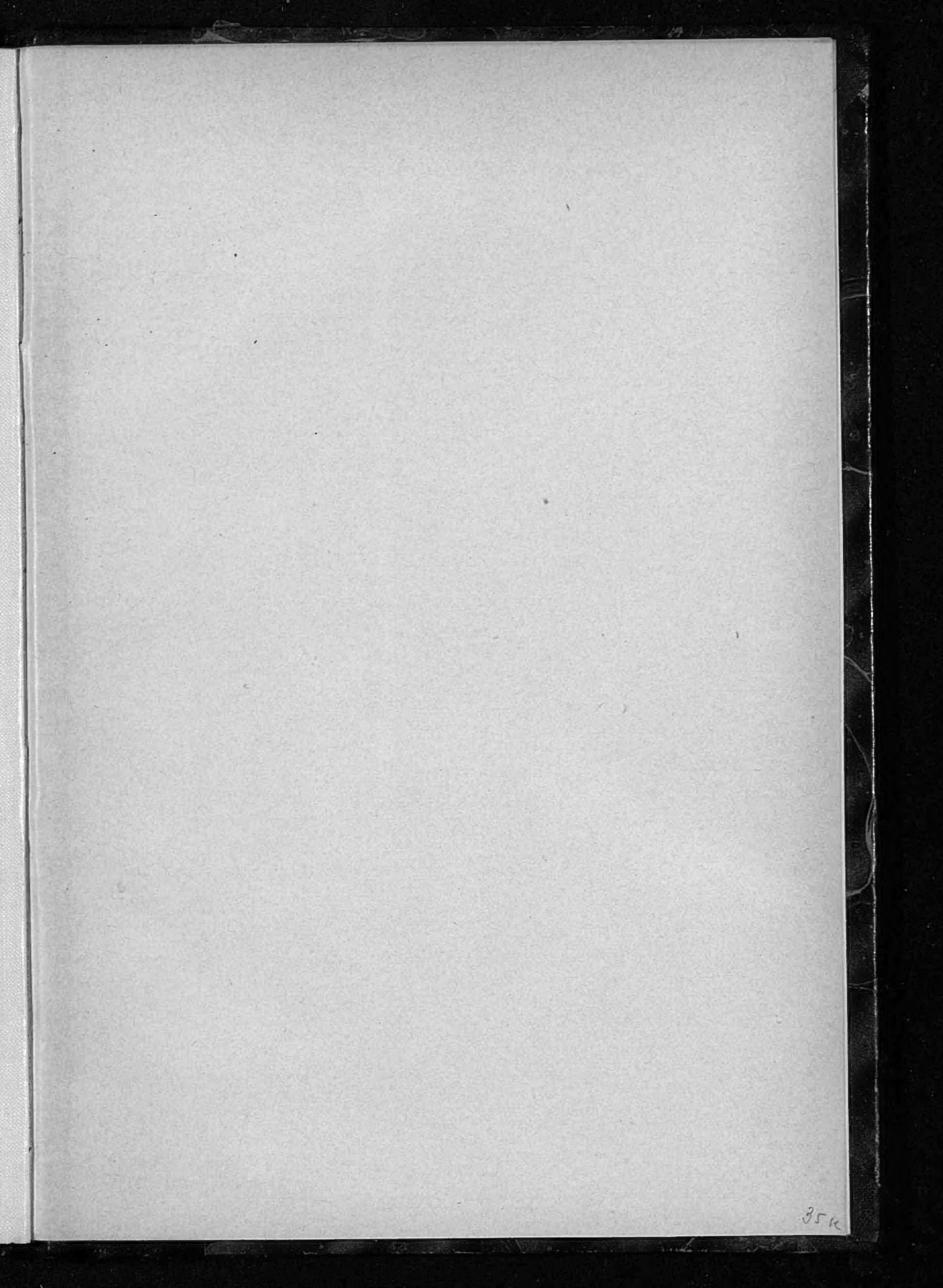
Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
30	20-я сверху	λιβογ	Λιβόη
30	выноск. 16,3	Κυρενη	Κυρήνη
32	14-я сверху	ραπεινή	ταπεινή

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
32	17-я сверху	ὀρείνη τε καρτα	ὀρεινή τε κάρτα
		δασεά	δασέα
32	19-я сверху	νομιξοντες	νομίζοντες
33	8-я сверху	Λίβσες γαρ βασίλεα	Λίβυες γὰρ βασιλέα
35	14-я сверху	μεσόραιαν	μεσόγαιαν
		θηριωδης	θηριώδης
		λιβόη	Λιβύη
35	16-я сверху	ὑπρ	ὑπὲρ
		θηριωδεος	θηριώδεος
		ὀφρόη	ὀφρύη
		φάμμω	ψάμμου
35	17-я сверху	παρατεινουσα	παρατείνουσα
		θηβέων τῷν Αἰνυππέων	Θηβέων τῶν Αἰγυπτίων
		ἐν Ηρακλέον	ἐπ' Ἡρακλέος
35	выноска 28	ἡμεριών ὀδοῦ	ἡμερέων ὁδοῦ
		καλωνοῖσι	κολωνοῖσι
		εν	ἐν
		ἀνα κοῦπξ ει	ἀνακοντίζει
		ἐυ μέσου ἰοῦ ἄλος	— ἐκ μέσου τοῦ ἁλός
		ὄδωρ	ὕδωρ
36	вын. 2 стр.	ἀυτὸ	αὐτό
	вын. 3 стр.	ἄνθροποι οίκεουσι	ἄνθρωποι οἰκέουσι
	вын. 7 стр.	οφρύης—ψάμμον—ἀλός	ὀφρύης—ψάμμου—ἁλός.
	вын. 8 стр.	ὅμοις—τω—ἀνθροποι—ἀντὸν	ὅμοιος—τῷ—ἄνθρωποι—αὐτόν
	вын. 12 стр.	δ'λος—καρποφόι	ἁλός—καρποφόροι
	вын. 13 стр.	πολλοίκατα περ	πολλοὶ κατάπερ
		ἐν τοτσι ἐτεροισι	ἐν τοῖσι ἑτέροισι
		ἄνθροποι οἰκέοσι	ἄνθρωποι οἰκέουσι

ЦѢНА 25 КОП.

35к

